

Патрушев Сергей

Цена десяти тысяч

Сергей Патрушев

Цена десяти тысяч

«Автор»

2026

Патрушев С.

Цена десяти тысяч / С. Патрушев — «Автор», 2026

Олег — пиромант, бегущий от собственного гнева. Анна — ведьма абсолютного холода, потерявшая имя. Их нанимает таинственная Агнес, чтобы уничтожить могущественного купца Декона. Но руины особняка скрывают древний артефакт — сердце спящего под городом бога. Искра мести превращается в войну с первобытной силой. Чтобы выжить, враги должны стать союзниками, ведь цена их магии — сама реальность. Спасти мир или украсть его? Выбор, который стоит тридцать тысяч драконов и одну вечность.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Холодный рассвет и жаркое пламя	5
Глава 2. Гильдия Воров и странный заказ	11
Глава 3. История Агнес. Золотые горы и 100 монет	20
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Сергей Патрушев

Цена десяти тысяч

Глава 1. Холодный рассвет и жаркое пламя

Первый снег в Нельвии всегда падал не по календарю, а по прихоти. Он пришел этой ночью, когда город спал тяжелым, похмельным сном после Дня Урожая. Белые, колючие крупинки не таяли на мостовых, а ложились тонким слоем на вековую грязь, на нечистоты в сточных канавах и на черепицу крыши, превращая Нижний город в подобие сахарной головы, под которой скрывалась гниль.

Рассвет пробивался сквозь эту белизну с трудом. Небо над восточной стеной, где высились шпили Верхнего города, наливалось не привычным розовым, а болезненным, лиловым цветом. Солнце, холодное и равнодушное, как глаз дохлой рыбы, медленно ползло вверх, и от его касания снег на крышах начинал источать призрачное, жемчужное сияние.

Олег сидел на коньке черепичной крыши старой таверны «Пьяный сом». Под ним, в трех этажах вниз, пьяно храпел и скрипел зубами во сне хозяин заведения, а в конюшне переступали с ноги на ногу сонные лошади. Олег не чувствовал холода. Напротив, от его рук, затянутых в тонкую черную кожу, исходило едва заметное марево. Воздух вокруг него дрожал, как дрожит он над раскаленным песком в разгар лета. Если бы он протянул руку к покрытому инеем водостоку, иней бы съехался и исчез за секунду, оставив после себя темное влажное пятно.

Магия Огня текла в его венах неуправляемым, первобытным потоком. Она требовала выхода, жрала его изнутри, заставляла сердце биться чаще, а легкие — требовать больше воздуха. Но Олег был упрям. Он сидел неподвижно уже третий час, скрестив ноги, и смотрел на восток. Он не грелся. Он медитировал, пытаясь сжать этот бушующий пожар в крошечную, холодную точку в центре груди.

— Ты похож на курицу на насесте, — раздался за его спиной тихий голос. — Только курица хотя бы снесет яйцо, а от тебя скоро просто пойдет пар. И запахнет жареным.

Анна приземлилась на конек крыши абсолютно бесшумно. Она не спрыгнула с соседнего здания, не поднялась по пожарной лестнице — она просто возникла из утреннего тумана, соткавшись из него, как призрак. На ее плечах лежал тяжелый плащ из некрашеной шерсти, покрытый свежим снегом. Там, где плащ соприкасался с ее телом, снег не таял. Напротив, он уплотнялся, превращаясь в тонкую корку прозрачного льда.

Она села рядом, скинув капюшон. В лиловом свете ее коротко стриженные волосы казались серебряными. Глаза, обычно цвета грозового неба, сейчас были темными провалами.

— Запахнет жареным, если ты не перестанешь дышать мне в затылок своим горячим воздухом, — не оборачиваясь, ответил Олег. — Ты нарушаешь баланс.

— Баланс? — Анна усмехнулась, и в уголке ее губ замерзла крошечная капля слюны. — Мы сидим на крыше таверны, которая держится на честном слове и одном гнилом стропиле. О каком балансе ты говоришь, пиромант?

Она щелкнула пальцами. Снег, лежавший на черепице между ними, мгновенно пошел рябью. Он не таял. Он кристаллизовался. Каждая снежинка, каждая крупинка льда вдруг обрела идеальную, математически выверенную форму. Слой снега превратился в сплошной, зеркально-гладкий панцирь, который тут же покрылся изморозью, рисующей на черной черепице фрактальные узоры.

— Смотри, — сказала она, указывая на этот лед. — Видишь?

Олег прищурился. Он видел не просто лед. Он видел структуру. Там, где его внутренний жар пытался просочиться сквозь подошвы сапог, лед становился толще, сопротивляясь,

выстраивая многослойную оборону. Там же, где Анна сознательно ослабляла контроль, лед истончался, становясь хрупким, почти невидимым.

— Ты спрашиваешь, почему нас считают противоположностями, — продолжила она, и ее голос звучал теперь глуше, словно пробиваясь сквозь толщу воды. — Смотри внимательно. Твой огонь — это хаос. Расширение. Голод. Он хочет поглотить все, превратить материю в свет и пепел. Мой лед — это порядок. Сжатие. Покой. Он хочет остановить время, зафиксировать каждую молекулу в вечности.

Она провела ладонью над ледяным панцирем. Под ее пальцами лед начал петь. Это был высокий, тонкий звук, похожий на стон ветра в горных ущельях.

— Маги в Академии считают, что мы должны воевать. Что Огонь и Лед — это война Титанов, вечная битва за доминирование. Они учат студентов ставить щиты против чужой стихии. Глупцы.

Ее ладонь опустилась на лед. Там, где она коснулась гладкой поверхности, лед не растаял. Он стал черным, как обсидиан, впитав в себя тепло, но не разрушившись. — Смотри, — повторила она. — Я не борюсь с твоим жаром. Я его структурирую. Твой огонь — это необузданная страсть, Олег. Он сжигает тебя, потому что у него нет русла. А мой лед — это не просто замерзшая вода. Это абсолютная геометрия. Если дать твоему пламени форму моего льда, оно станет самым мощным оружием и самым надежным щитом во всех Семи Королевствах. Плазма, удерживаемая абсолютным нулем.

Олег закрыл глаза. Он перестал сопротивляться своему внутреннему жару. Он позволил ему течь свободно, но направил его не вверх, в небо, а вниз, сквозь черепицу, в сторону Анны. Ледяной панцирь между ними зашипел. Но это был не звук плавления. Звук был резким, сухим, похожим на треск разрываемой ткани. Лед не превращался в воду. Он превращался в пар, минуя жидкую стадию, и этот пар тут же конденсировался в воздухе, падая вниз мелкой алмазной пылью.

— Мы дополняем друг друга, — тихо сказал Олег, не открывая глаз. — Потому что мир не делится на черное и белое. Он делится на тех, кто спит, и тех, кто бодрствует. Мы бодрствуем. И нам холодно от этого знания.

— И жарко от бессилия, — закончила за него Анна.

Она убрала руку. Черный обсидиан на ледяном панцире начал трескаться, рассыпаясь в пыль. Они сидели в молчании, пока лиловое небо не стало пронзительно-голубым. Солнце поднялось выше, и первые лучи ударили по шпилям Верхнего города. Золото куполов Королевского дворца вспыхнуло так ярко, что на мгновение ослепило.

Контраст был невыносимым. Внизу, в Нижнем городе, начиналась жизнь: зазвенело первое ведро колодезной цепи, заорал петух, где-то заплакал младенец. Вонь нечистот, которую снег пытался скрыть, снова вступала в свои права. А там, за тройной стеной, за магическими барьерами, аристократы Нельвии, наверное, пили горячий шоколад и обсуждали курс акций Ост-Индийской компании.

— Есть ли у вселенной план? — внезапно спросил Олег. Его голос звучал хрипло.

Анна повернула голову. Ее серебряные волосы поймали солнечный луч, и на секунду она показалась Олегу древней, как само время.

— О вселенной не знаю, — ровно ответила она. — Она слишком велика, чтобы иметь планы. Планеты сталкиваются, звезды взрываются, галактики пожирают друг друга. Какое вселенной дело до того, замерзнет ли этой зимой урожай в долине Рин или умрет ли от чумы портовый квартал? У вселенной есть только законы физики. Тяжесть. Импульс. Энтропия.

— Значит, мы просто пешки? — Олег сжал кулаки. Жар в его груди вспыхнул с новой силой, протестуя против самой мысли о собственной ничтожности. — Фигуры на доске, которую двигает слепой случай? Я сжигаю себя изнутри, ты вымораживаешь свои эмоции до состояния стекла — и все это ради того, чтобы случайный порыв ветра сдул нас в канаву?

— Ты задаешь этот вопрос, потому что тебе страшно, — Анна не повысила голоса. Она вообще никогда не повышала голоса. Ее сила была в этой мертвенной, ледяной тишине. — Тебе нужно оправдание. Тебе нужно, чтобы кто-то великий и мудрый на небесах сказал: «Олег, ты страдаешь не зря, ты — часть великого замысла».

Она медленно повернулась к нему всем корпусом. Плащ на ее плечах захрустел. — Пешки, Олег, — это те, кто ждет, пока их передвинут. Те, кто ищет план. Они смотрят вверх, в небо, ищут знаки в полете птиц, в расположении звезд, в словах жирных жрецов в храмах. Они отдают свою волю в обмен на иллюзию безопасности.

— А мы?

— А мы — воры, — просто сказала она. — Но не ради наживы.

Это слово повисло в морозном утреннем воздухе. Вор. В Нельвии за это отрубали правую руку на площади. За повторную кражу — голову.

— Мы лезем в чужие окна не за серебром, — продолжила Анна, глядя на золотой шпиль дворца. — Серебро — это мусор. Оно тяжелое, оно звенит, оно оставляет след. Мы лезем за истиной.

— В королевстве Нельвия нет истины, — горько усмехнулся Олег. — Здесь есть только золото, кровь и ложь, сцементированная льдом традиций.

— Именно, — кивнула она. — И этот лед нужно растопить. Не огнем ярости — он лишь создаст пар, в котором задохнутся все. А точечным, хирургическим жаром.

Она достала из-под плаща руку в тонкой перчатке. На ее ладони лежал предмет, который Олег до этого не замечал. Это был кусок обычного, мутного льда, размером с голубиное яйцо. Но внутри него, пойманный в вечную мерзлоту, пульсировал крошечный огонек. Настоящий, живой огонь, заключенный в прозрачную тюрьму.

— Вот она, истина этого мира, — сказала Анна. — Смотри.

Она сжала лед в кулаке. Раздался тихий хруст. Лед не таял. Он начал сжиматься, становясь прозрачным, как горный хрусталь. Давление внутри кристалла росло. Пульсирующий огонек внутри забился быстрее, его свет стал нестерпимо белым.

— Верхний город, — Анна кивнула в сторону золотых куполов. — Они думают, что их защищает магия. Ледяные стены, которые держат Короли-Чародеи. Они думают, что их защищает золото. Налоги, которые выжимают из таких, как пекарь внизу, до последней крошки. Они думают, что их защищает закон.

Лед в ее руке стал абсолютно прозрачным. И теперь было видно, что внутри него заперт не просто огонь. Внутри была заперта крошечная, идеально ограненная руна. Символ, который Олег видел лишь однажды — в запрещенных трактатах о Первородном Пламени.

— Мы воры, Олег, — ее голос стал совсем тихим, почти шепотом. — Мы проникаем в их архивы, которые они считают ледяными могилами. Мы крадем их тайны. Мы крадем их договоры с демонами, их счета, по которым они расплачиваются жизнями крестьян, их настоящие родословные, где кровью записано, как нынешний король отравил своего брата. Мы крадем их магические формулы.

Она разжала кулак. Лед исчез, испарившись без следа. На ладони осталась лежать только крошечная, обжигающе горячая руна.

— Этот мир прогнил, — сказал Олег, глядя на руну. — Он смердит. И мы — вши в его гниющей ране.

— Мы — скальпель, — поправила Анна. Она осторожно, кончиками пальцев, взяла руну и спрятала ее в специальный карман на внутренней стороне своего ремня. — Хирургия — это всегда грязь, кровь и вскрытие того, что должно быть скрыто. Но без нее пациент умрет от гангрены.

Олег наконец пошевелился. Он спустил ноги с конька крыши и прыгнул на широкий каменный карниз. Движение было легким, почти невесомым. Магия Огня делала его мышцы стальными, а реакцию — мгновенной.

— Зачем ты мне это показываешь? — спросил он, глядя на Анну снизу вверх. — Я и так с тобой. Я и так грею твою задницу на этой крыше каждое утро.

Анна тоже прыгнула на карниз. Она была ниже его на голову, но сейчас казалась выше. — Потому что сегодня ночью план меняется. Мы больше не просто воры, которые читают чужие письма.

Она посмотрела на солнце. Оно уже полностью поднялось над стеной, заливая Нижний город безжалостным светом, обнажая всю его нищету. — Сегодня мы идем во дворец.

Олег замер. Ветер, наконец-то пробившийся между крышами, ударил ему в лицо, растрепав волосы. — Во дворец? Анна, там Короли-Чародеи. Там Ледяная Стража. Их барьеры не пробить твоим морозом, а мои файерболы просто рассыплются о их щиты. Это не архив магистрата. Это самоубийство.

— Самоубийство — это продолжать сидеть на крыше и ждать, пока вселенная соизволит написать нам план на пергаменте, — отрезала она. — План есть только у тех, кто хочет власти. У короля есть план. У Верховного Инквизитора есть план. У главы Гильдии Нищих, который продает детей в шахты, есть план. Они двигают фигуры.

Она шагнула ближе, сокращая дистанцию. От нее пахло озоном и зимней свежестью. — Если мы хотим найти истину, если мы хотим вскрыть эту гниль, мы должны перестать быть фигурами. Мы должны стать тем, кто наклоняет доску.

— Что во дворце? — глухо спросил Олег. Его внутренний огонь отозвался на ее слова, заклокотав в горле. — Что такого важного, ради чего стоит сдохнуть?

Анна достала из-за пазухи сложенный вчетверо кусок пергаamenta. Он был покрыт изморозью. Она протянула его Олегу. — Это не пергамент, — сказала она. — Это кусок их Ледяного Барьера. Я срезала его вчера ночью, когда они проводили плановую калибровку.

Олег осторожно взял лист. Он был ледяным, но не обжигал холодом. Он вытягивал тепло, но делал это мягко, изучающе. — Я нашла слабое место, — продолжила Анна. — В геометрии их заклятия. Они строят защиту на основе правильных многогранников. Кубы, октаэдры... Идеальный порядок. Но идеального порядка не существует, Олег. В любой системе есть люфт. Есть точка напряжения.

Она ткнула пальцем в центр пергаamenta. — Если в эту точку влить не просто огонь, а твою волю. Твое желание сжечь этот прогнивший мир дотла. Не ради разрушения. Ради очищения. Твой Огонь станет не просто жаром. Он станет абсолютным изменением.

Олег смотрел на ледяной пергамент, затем перевел взгляд на золотой шпиль дворца, сияющий в лучах утреннего солнца. Он думал о пекаре внизу, который сейчас будет продавать вчерашний хлеб вполцены, чтобы не умереть с голоду. О девочке, которая вчера просила милостыню у ворот Верхнего города, пока стража не прогнала ее пинками. О матери, которая утопилась в Рине месяц назад, потому что нечем было платить налог на крышу.

Вселенная не имела плана. Анна была права. План был только у тех, кто сидел на золотых стульчаках и считал людей цифрами в гроссбухах.

— Я не пешка, — медленно произнес Олег.

Его глаза начали меняться. Радужка налилась расплавленным золотом, а зрачки вытянулись в вертикальные щели, как у хищной кошки. Воздух вокруг него задрожал сильнее, искажая перспективу. Каменный карниз под его сапогами пошел мелкими трещинами от жара. — Я — пожар.

Анна впервые за утро позволила себе подобие улыбки. Уголки ее губ дрогнули. — Я знаю, — сказала она. — Именно поэтому ты до сих пор не сгорел. Потому что я — лед, который держит твою форму.

Она развернулась и шагнула к краю карниза, выходящего на узкую, засыпанную снегом улочку. — Солнце уже высоко. Стража на внешних стенах скоро сменится. У нас есть окно в семнадцать минут.

Она прыгнула. Не вниз, на улицу, а вбок, цепляясь пальцами за едва заметные выступы в каменной кладке соседнего здания, спускаясь с ловкостью паука.

Олег остался стоять на карнизе. Он смял ледяной пергамент в кулаке. Лед хрустнул и рассыпался, но не растаял — он просто перестал быть льдом, обратившись в невидимую пыль, которая тут же смешалась с сажей из труб. В его груди бушевала звезда. Впервые за долгие годы он не пытался ее сдержать. Он позволил этому жару заполнить себя целиком, до кончиков пальцев.

— Пешки не меняют правила, — прошептал он, глядя на сияющий дворец. — Они их сжигают.

Он шагнул в пустоту. Воздух принял его. Жар, исходящий от его тела, создал восходящий поток, который замедлил падение. Олег не упал камнем — он опустился на мостовую, как осенний лист, и сапоги едва коснулись грязного, перемешанного с навозом снега.

Анна уже ждала его в тени арки. Она полностью запахла плащ, натянула капюшон, и теперь выглядела как обычный, ничем не примечательный горожанин, кутающийся от утреннего холода.

— Убери это, — кивнула она на его глаза. — Ты пугаешь нищих.

Олег моргнул. Золото в глазах погасло, уступая место обычному серому цвету. Жар в груди он загнал глубоко внутрь, заперев там на замок. Теперь он просто выглядел как высокий, крепко сбитый мужчина в потертой кожаной куртке.

— План? — спросил он, поравнявшись с ней.

— План простой, — ответила Анна, и ее дыхание в морозном воздухе не превращалось в пар. — Мы идем в Верхний город. Мы изображаем посыльных Гильдии Мясников — у них сегодня разрешение на ввоз туш через Северные ворота, стража будет пьяна и ленива. Твою куртку придется сжечь, от нее пахнет дымом таверны.

— Сжечь — это я могу, — усмехнулся Олег.

— Потом мы проходим через прачечную мадам Жозефины. У нее есть подземный ход, который она использует для контрабанды шелка. Ход выводит прямо в катакомбы под фундаментом дворца.

— А катакомбы? Там Ледяные Гончие.

— Гончие чувят страх и кровь, — Анна на секунду остановилась и посмотрела на него своим тяжелым, пронизывающим взглядом. — У тебя в венах течет плазма, Олег. У меня вместо крови — жидкий азот. Нам нечего бояться. Гончие просто ослепнут от нашего контраста.

Они вышли из арки на главную улицу Нижнего города. Рассвет здесь пах совсем иначе, чем на крыше. Здесь он пах мокрой шерстью, кислым вином, древесным углем и надеждой. Люди просыпались. Торговцы раскрывали ставни, выпуская на улицу клубы теплого пара.

Олег и Анна шли против течения этой просыпающейся толпы. Они шли вниз, к нищете и отчаянию, чтобы подняться на самый верх, к золоту и лжи.

— А если мы ошибаемся? — спросил вдруг Олег, перепрыгивая через замерзшую лужу. — Если там, во дворце, нет никакой великой тайны? Если король — просто жадный мужик, а маги — просто его цепные псы? Если мы сгорим и замерзнем просто так, без всякого смысла?

Анна остановилась. Толпа обтекала их с двух сторон. Она сняла перчатку и коснулась его запястья. Ее пальцы были ледяными, но не холодными — они были абсолютно нейтральными, они забирали избыточный жар его кожи, приводя его в равновесие.

— Смысл, — тихо сказала она, глядя ему прямо в глаза, — это самая большая ложь, придуманная властителями. Они дают тебе смысл — служить королю, служить богу, служить идее — чтобы ты не задавал вопросов. Чтобы ты был удобной пешкой.

Она убрала руку и надела перчатку. — У нас нет смысла, Олег. У нас есть только вектор. Мы движемся от лжи к правде. И если на этом пути вселенная решит, что мы — просто расходный материал, что ж. По крайней мере, мы не сдохнем, глядя в грязь и веря, что так и должно быть. Мы сдохнем, глядя наверх.

Она поправила капюшон. — Идем. Семнадцать минут превратились в двенадцать.

Анна шагнула в толпу, становясь ее невидимой частью. Олег постоял еще секунду, вдыхая холодный воздух. Он посмотрел на свои руки. Под кожей едва заметно пульсировали вены, по которым тек не гемоглобин, а жидкое пламя. Он не знал, есть ли у вселенной план. Он не знал, ждет ли их во дворце великая истина или ледяная смерть. Но он знал одно: сидеть на крыше и философствовать, пока мир гниет, он больше не будет.

Олег плотнее запахнул ворот куртки и двинулся следом за Анной. Жар и холод, пламя и лед, мужчина и женщина — две абсолютные противоположности, которые почему-то так хорошо дополняли друг друга, шагнули в лабиринт грязных улиц, направляясь к золотым стенам, чтобы проверить, как хорошо горит королевская ложа.

Солнце Нельвии поднималось все выше, безжалостно освещая их путь. Рассвет закончился. Начался день.

Глава 2. Гильдия Воров и странный заказ

Нижний город Нельвии никогда не спал до конца. Даже когда солнце заливало золотом шпили Верхнего города, здесь, в лабиринте кривых улочек, переулков и подземных каналов, царил вечный полумрак. Свет здесь был товаром, и стоил он дорого. Факелы на перекрестках зажигали только тогда, когда патруль городской стражи проходил мимо — для отчетности, чтобы казначей не срезал жалованье смотрителю. Как только шаги латников затихали, смотритель, получивший свою долю от Гильдии, методично гасил пламя. Тьма возвращалась мгновенно, густая, липкая, пахнувшая сырым камнем, тиной и дешевым табаком.

Олег и Анна двигались сквозь эту тьму, но тьма их не принимала. Для Анны она была домом — она растворялась в тенях, становясь неотличимой от старой каменной кладки. Олег же шел, как раскаленный нож сквозь масло. Его присутствие выдавало себя за три шага: тени шарахались от него, как от прокаженного, а в лужах талой воды плясали искаженные, дрожащие блики. Там, где ступала Анна, не оставалось следов даже на мокром снегу. Там, где шел Олег, снег таял, оставляя цепочку темных, дымящихся пятен.

Их путь лежал в самое сердце преступного мира Нельвии — в «Слепой глаз». Официально это была лавка торговца редкими специями и благовониями. Вывеска, болтавшаяся на одном ржавом гвозде, изображала мешок с корицей. На деле же это был единственный легальный вход в подземную штаб-квартиру Гильдии Воров.

Анна толкнула тяжелую дубовую дверь. Над головой тихо звякнул колокольчик, но звук был глухим, мертвым — казалось, он не покидает пределов дверного проема. Внутри пахло так, как и положено пахнуть лавке специй: гвоздикой, мускатным орехом, сушеным имбирем и чем-то сладковато-приторным, от чего слегка кружилась голова.

За прилавком стоял старик. Он был абсолютно лыс, его череп блестел, как полированная кость, а кожа напоминала старый пергамент. Он сидел в кресле-качалке, укрытый толстым шерстяным пледом, и, казалось, дремал. Перед ним на столе стояла чашка, от которой поднимался пар.

— Мята и полынь, — не открывая глаз, проскрипел старик. — И щепотка коры ивы, чтобы не дрожали руки. Хороший выбор для утра после дворцовой вылазки. Надеюсь, руна пригодилась?

— Пригодилась, Мастер Гаррет, — ответила Анна. Ее голос в душной комнате лавки звучал как звон льдинок. — Барьер держится. Пока.

Старик, которого вся Нельвия знала как бывшего Верховного Хранителя Печати, а ныне — теневого координатора Гильдии, медленно открыл глаза. Его зрачки были мутными, подернутыми белесой пленкой. Слепота. Но Олег знал, что Гаррет видит лучше любого зрячего. Он видел кожей, слышал вибрацию камня и обонял ложь.

— Твои «пока» всегда заканчиваются катастрофой, девочка, — Гаррет нащупал чашку сухими пальцами и сделал глоток. — Король-Чародей не дурак. Он уже заметил недостачу льда. Завтра они сменят частоту вибрации барьера. Твоя методика продержится еще сутки. Потом вам придется искать новый способ самоубийства.

— Мы найдем, — отрезала Анна.

— Вы всегда находите, — кивнул старик. — Именно поэтому вы здесь. Гильдия не платит за красивые глаза, даже если они цвета грозового неба. На столе.

Он махнул рукой в сторону длинного дубового стола в углу комнаты. Олег подошел первым. На столе, среди мешочков с шафраном и сушеными жуками, лежала грубая кожаная папка. Внутри, на листах плотной желтоватой бумаги, были приколоты контракты.

Это была «Доска». Сердце Гильдии. Сюда стекались заказы со всего королевства. От обиженных жен, желающих подсыпать мужу слабительное в вино, до баронов, планирующих государственный переворот.

Олег пробежал взглядом по первым строчкам. *«Сломать левую ногу начальнику порта. Причина: занял место на парковке. Оплата: 5 серебряных империалов».* *«Подменить партию шерсти на партию гнилого сена. Купец Борегард. Оплата: 20 империалов».* *«Изъять вексель из сейфа нотариуса. Сложность: сейф гномьей работы. Оплата: 150 империалов».*

Обычная рутина. Кровь, грязь, шантаж. Экономика Нижнего города работала как часы, и Гильдия была смазкой в этом механизме.

— Что-то не так? — спросила Анна. Она стояла за его плечом, и Олег физически ощущал, как падает температура в комнате.

— Ищу что-нибудь достойное нашего нового статуса, — усмехнулся Олег. — После дворца грабить уличных менял скучно.

Он перевернул страницу. И замер.

В отличие от других контрактов, написанных размашистым почерком приказчиков или дрожащей рукой пьяных дворян, этот был напечатан на плотной веленовой бумаге. Текст был выведен каллиграфическим, безупречным почерком, каждая буква стояла на своем месте с пугающей геометрической точностью. Ни одной кляксы. Ни одной помарки.

«Заказчик: Агнес, вдовствующая госпожа (статус юридически не подтвержден). Объект: Декон, глава Торгового Дома Декона, член Магистрата. Суть задания: Тотальное разрушение. Изъятие всех ликвидных активов, недвижимости, долговых расписок и транспортных средств. Дискредитация в обществе. Разрыв торговых связей. Психологическое уничтожение. Ограничения: Объект должен остаться в живых. Физические увечья запрещены. Смерть от естественных причин или самоубийства допустима, но не является приоритетом. Приоритет — страдание. Оплата: 10 000 (десять тысяч) золотых драконов. Аванс — 30% по подтверждении начала операции. Остаток — по предоставлению доказательств полного банкротства и социальной смерти объекта».

Олег перечитал текст трижды. Десять тысяч драконов. На эти деньги можно было купить баронство на границе с Пустошами. Или снарядить небольшую армию. Или жить в роскоши до конца дней, ни разу не ступив на крышу таверны.

— Это ловушка, — тихо сказал он.

— Почему? — Анна наклонилась ближе, читая текст через его плечо. От ее дыхания бумага едва не покрылась инеем.

— Слишком много денег, — Олег постучал пальцем по строчке с суммой. — Никто не платит десятитысячный аванс за разорение купца. Даже самого богатого. Это работа для судебных приставов и адвокатов, а не для Гильдии. Если Декон в Магистрате, у него связи. Заказчик, который готов выложить такие деньги за «психологическое уничтожение», либо идиот, либо готовит нам плаху. Как только мы возьмем аванс, нас найдут Ледяные Гончие. Или арбалетчики Инквизиции. Это классический слив неугодных исполнителей.

— Дело не в деньгах, — Анна выпрямилась. Ее лицо в полумраке лавки стало жестким, высеченным из мрамора. — Дело в формулировках. «Психологическое уничтожение». «Социальная смерть». Это пишет не заказчик. Это пишет палач.

— Именно, — кивнул Олег. — И я не хочу быть топором в руках палача.

Внезапно в лавке запахло иначе. К сладковатой приторности специй добавился резкий, горький аромат полыни и еще чего-то... сожженных волос и дешевых притираний.

Дверь за их спинами, та самая, с мертвым колокольчиком, открылась, впуская порыв ледяного ветра с улицы.

Она вошла без стука.

Женщина была одета в черное. Но это был не траурный бархат аристократии, а грубое, потертое сукно, мокрое от талого снега. Дорожный плащ был подбит дешевым кроличьим мехом, который уже начал линять. На ногах — стоптанные сапоги. Она выглядела как служанка, потерявшая место, или как вдова мелкого лавочника.

Но когда она откинула капюшон, Олег понял, как сильно ошибался в первом впечатлении.

Ее лицо было изуродовано. Левая сторона, от виска до подбородка, представляла собой сплошной багрово-лиловый рубец, стянувший кожу. Глаз на этой стороне был мутным, полу-прикрытым, он почти не моргал. Волосы на виске сожжены, обнажая кость. Это была не травма от падения. Это был след от магического удара. Скорее всего, кислотой или концентрированным пламенем.

Правый же глаз был огромен, темен и абсолютно безумен в своей ясности. В нем плескалась такая концентрированная, холодная ненависть, что Олег невольно сделал полшага назад, заслоняя собой Анну.

Женщина остановилась посреди комнаты. Она не смотрела на Гаррета. Ее взгляд был прикован к листу веленовой бумаги на столе.

— Вы читали, — сказала она. Голос у нее был хриплым, сорванным, словно она долго кричала в пустоту.

— Мы оцениваем риски, — ровно ответил Олег.

— Риски? — женщина издала короткий, лающий смешок. — Мой риск — это то, что я проснусь завтра утром. Его риск — это то, что он проснется в своей перине и поймет, что ему нечем заплатить за завтрак.

Она шагнула к столу. Анна преградила ей путь. Две стихии встретились в воздухе. От Анны пошел видимый пар — воздух вокруг нее мгновенно остыл до минусовой температуры, и дыхание женщины превратилось в ледяную пыль. От Олега, рефлекторно вставшего в защитную стойку, повеяло сухим жаром, от которого затрещали волосы.

— Назад, — прошипела Анна.

Женщина даже не моргнула. Она перевела свой единственный зрячий глаз на Анну. — Ты — Лед, — констатировала она. — А ты, — она посмотрела на Олега, — Жар. Как интересно. Декон всегда любил экзотику. Он бы вас купил. Поставил бы в своей оранжерее, как диких зверей.

— Мы не продаемся, — сказал Олег. — Мы берем контракты. Этот контракт — западня. Кто вы на самом деле, госпожа?

— Я — Агнес, — просто ответила она. — Бывшая жена Декона. Бывшая хозяйка этого города. Бывшая женщина.

Она сделала еще один шаг. Анна не шелохнулась, но температура в комнате упала так низко, что дыхание Олега начало замерзать в носу. — Десять тысяч драконов — это не плата за его смерть, — продолжила Агнес. Ее единственный глаз увлажнился, но слеза, скатившись по щеке, упала на раскаленное от жара плечо Олега и зашипела, испаряясь. — Десять тысяч — это цена его боли. Я хочу, чтобы он почувствовал то, что почувствовала я.

— Он сжег вам лицо, — догадалась Анна. Это не был вопрос. Ледяная ведьма видела структуру шрама, понимала природу ожога.

— Он подарил мне это на нашу десятую годовщину, — Агнес коснулась своего рубца кончиками пальцев. — Сказал, что я стала слишком стара. Слишком много морщин. Купил себе наложницу из Южных островов. А меня решил «обновить». Сбросить старую кожу.

— Почему он не убил тебя? — спросил Олег. — Члену Магистрата ничего не стоило объявить тебя одержимой демонами. Инквизиция сожгла бы тебя за пару часов.

— Потому что я знаю, где лежат его настоящие книги, — Агнес улыбнулась, и шрам на ее лице растянулся жуткой, асимметричной ухмылкой. — Не те, что в сейфе Магистрата. А

настоящие. Где записано, сколько золота он перевел пиратам Серого моря. Где записано, что чума в Речном квартале два года назад началась не из-за крыс, а из-за того, что Декон приказал отравить колодцы, чтобы скупить землю за бесценок. Где записано, что Ледяной Барьер Верхнего города подпитывается кровью детей, которых крадут из Нижнего.

Она говорила это буднично, как будто диктовала список покупок. — Если я умру, эти книги попадут к Инквизиторам. Декон любит золото больше, чем любит свою власть. А власть он любит больше, чем жизнь. Поэтому он держит меня в живых. Я живу в подвале его собственного дома, в комнате для прислуги. Он кормит меня объедками. Он позволяет мне дышать, потому что я — его страховка.

Агнес обошла Анну, словно та была статуей. Она подошла вплотную к Олегу. Несмотря на исходящий от него жар, ее не опалило. Она ткнула сухим пальцем в его грудь. — Вы думаете, я сумасшедшая. Вы думаете, это ловушка Инквизиции. Вы правы. Это и то, и другое.

Она вернулась к столу, взяла лист контракта и прижала его к груди, прямо поверх шрама. — Гильдия — трусы. Гаррет прочитал это и сказал, что это работа для самоубийц. Он боится Декона. Все боятся Декона. У него в карманах половина Королевского совета.

— Тогда иди к королю, — бросил Олег. — Расскажи про кровь детей. Тебя наградят.

— Король и есть Декон, — тихо сказала Агнес. — Фигурально. Декон — это и есть Нельвия. Он держит короля за горло так же, как держит меня. Нет, ваше величество. Я не хочу правосудия. Правосудие — это для тех, кто верит в закон. Я хочу мести.

Она положила контракт обратно на стол. — Аванс, — сказала она. — Тридцать процентов.

Анна посмотрела на Олега. В ее глазах не было сомнений. Там была только холодная, расчетливая оценка. — Олег, — произнесла она. — Она говорит правду.

— Я знаю, — процедил он. — В этом и проблема. Правда в Нельвии убивает быстрее яда. Если мы возьмем этот контракт, Декон спустит на нас всех псов. Он перевернет каждый камень. Он найдет нас даже в Пустошах.

— Пусть попробует, — Анна перевела взгляд на Агнес. — Условия контракта. «Психологическое уничтожение». Как именно вы видите это уничтожение? Что мы должны сделать? Украсть его золото? Это не уничтожит человека вроде Декона. У него десять таких хранилищ.

— Золото — это пыль, — кивнула Агнес. — Украдите его имя.

Она подошла к полке, где стояли банки со специями. Достала одну — с черным перцем. Открыла ее. — Декон — это не человек. Декон — это бренд. Это подпись на векселях. Это страх в глазах капитанов. Это его герб на бортах торговых судов.

Она взяла щепоть перца. — Вы украдете его личную печать. Ту, которой он заверяет договоры с короной. Вы выкрадете его родовой перстень с сапфиром. Без него он не может войти в Зал Совета. Вы найдете его тайный архив с любовными письмами к той самой наложнице и разошлете копии всем его деловым партнерам в Империи. Они — пуритане, они не поймут.

Перец посыпался на стол. — Вы сожжете его склады с шелком. Не магией — это оставило бы след. Вы заплатите десятку портовых крыс, чтобы они просто плеснули китовым жиром на бочки и бросили факел. Вы пустите слух, что он болен лепрой. Вы подкупите его приказчиков, чтобы они воровали у него же.

Агнес ссыпала перец обратно в банку. Руки у нее дрожали. — Я хочу, чтобы он пришел вечером в свой особняк, а его не пустит собственная стража, потому что хозяин дома — сумасшедший нищий, потерявший печать и перстень. Я хочу, чтобы его банкиры подали на него в суд за неуплату по собственным векселям. Я хочу, чтобы его наложница сбежала, прочитав письма, и прихватила с собой его любимый кинжал.

— Это не кража, — медленно сказал Олег. — Это кампания. Военная кампания против одного человека.

— Это справедливость, — поправила Агнес. — Так сколько?

Анна молчала. Она смотрела на шрам Агнес, потом на ее дрожащие руки, потом на лист контракта. — Десять тысяч — это самоубийство, — сказала ледяная ведьма. — Декон не прощает. Он будет искать нас годами. Он отравит нам каждый глоток воды.

— Тогда назовите свою цену, — Агнес впервые посмотрела на Анну с чем-то похожим на надежду.

Олег чувствовал, как внутри него разгорается пожар. Но это был не тот дикий, разрушительный огонь, который он использовал во дворце. Это был холодный, белый огонь гнева. Он смотрел на эту женщину, на то, как она стоит — изломанная, но не сломленная, — и понимал, что Анна права. Это пишет не заказчик. Это пишет палач. И, видит пламя, он сам хотел стать этим палачом.

— Цена — не в золоте, — голос Анны прозвучал как треск льда на реке. — Золото мы возьмем. Все, что сможем унести из его хранилищ. Аванс, плюс все ликвидные активы, которые мы переведем на счета в нейтральных банках.

Агнес моргнула здоровым глазом. — Гильдия берет процент...

— Гильдия закроет глаза, — отрезала Анна, даже не взглянув на старика Гаррета. — Или Гильдия сгорит вместе с Деконем. Мы забираем все. Кроме того, что потребуется для операции.

— И молчание, — добавил Олег. — Если мы это сделаем, Агнес, ты исчезнешь. Декон будет искать тебя, чтобы убить. Мы спрячем тебя так глубоко, что его Гончие будут выть на луну. Но ты больше никогда не увидишь солнца.

— Я не видела его пять лет, — усмехнулась Агнес, касаясь своего изуродованного лица. — Привыкла. По рукам?

Анна протянула руку. Ее пальцы были бледными, почти прозрачными. — По рукам.

Агнес вложила свою изуродованную, покрытую мозолями ладонь в руку ведьмы. В момент рукопожатия в лавке «Слепой глаз» погасли последние свечи.

Тьма сгустилась, стала осязаемой. Олег инстинктивно выбросил руки вперед, и из его ладоней вырвались два сгустка плазмы, осветив комнату мертвенным фиолетовым светом. Анна стояла посреди этого света, и ее глаза светились в темноте чистой, слепящей голубизной.

— Гаррет, — позвала она, не отпуская руки Агнес.

— Я здесь, — прокрипел старик. Он даже не пошевелился в своем кресле. — Вы только что подписали себе приговор, дети. Декон — это не купец. Это стихия. Хуже, чем вы. Он — лед, который не тает, и яд, который не имеет вкуса.

— Мы любим вызовы, — ответила Анна.

— Вы любите смерть, — поправил Гаррет. — Что ж. Раз уж вы решили грабить дракона в его логове, я дам вам карту пещеры.

Он медленно, шаркая ногами, поднялся с кресла. Его слепые глаза смотрели в никуда. — Следуйте за мной. В подвале моей лавки есть комната. В ней стоит стол. На столе — модель особняка Декона. Вырезанная из цельного куска обсидиана. Декон подарил ее мне на день рождения десять лет назад. Хвастался безопасностью. Старый дурак.

Старик дошел до стены, сплошь уставленной мешками с корицей. Он нажал на определенный кирпич. Раздался щелчок, и часть стены ушла в сторону, открывая узкий, пахнущий сыростью проход.

— Особняк — это крепость, — сказал Гаррет, заходя в темноту. — Но у каждой крепости есть слепая зона. У Декона их две. Первая — его похоть. Вторая — его гордыня.

Олег посмотрел на Анну. Она кивнула ему, и в этом кивке было полное, абсолютное доверие. — Идем, — сказала она. — У нас много работы. Нужно украсть жизнь.

Они шагнули в проход. Дверь за ними закрылась, отрезав свет, звуки и запахи Нижнего города. В темноте подземелья, освещая путь лишь собственным жаром и холодом, они начали изучать обсидиановый макет дома человека, которого им предстояло уничтожить.

Комната в подвале пахла пылью, старым деревом и озоном. Обсидиановый макет стоял на массивном дубовом столе. Работа была невероятной. Гномья резьба. Каждая деталь, каждый завиток на воротах, каждый флюгер на крыше — все было настоящим. Если нажать на крошечный камень в основании, в «окнах» особняка загорался тусклый свет.

— Магия иллюзий, — Анна провела пальцем по крыше макета. — Показывает, где находятся караулы в реальном времени.

— Декон параноик, — Олег стоял, скрестив руки на груди. Жар его тела заставлял воздух в подвале дрожать. — Он знает, что его ненавидят.

— Он знает, что он это заслужил, — Анна склонилась над макетом. — Смотри. Вот главный зал. Вот его кабинет. А вот здесь...

Она постучала ногтем по участку стены в северной части макета, где не было окон. — Гаррет, что здесь?

Старик, сидевший в углу на табурете и медленно жевавший сухую корочку хлеба, прищурился. — Там нет комнаты. Это вентиляционная шахта. Она ведет из его личного хранилища прямо в систему городской канализации. Декон построил ее после того, как в молодости его ограбили в первый раз. Он хотел иметь путь отхода для себя и для... скажем так, для экстренной эвакуации наиболее ценных бумаг.

— Шахта узкая? — спросила Анна.

— Для человека — впритык. Для крысы — просторно. Для Анны — идеально, — Олег подошел ближе. — Но я там застряну. И если я застряну в узкой каменной кишке, мой жар начнет плавить камень. Нас завалит через пять минут.

— Ты не пойдешь через шахту, — Анна достала из поясной сумки два тонких, почти невесомых мотка веревки, покрытой черным воском. — Через шахту пойду я. Моя температура тела ниже точки замерзания воды. Я не растоплю камень. Я буду быстрее тени.

— А я? — Олег ударил кулаком по столу. Макет жалобно звякнул. — Ждать тебя на улице? Я не мальчик на подхвате, Анна. Мы идем туда вместе.

Анна выпрямилась. Она посмотрела на него. В ее глазах не было гнева, только холодная, математическая логика. — Твоя сила — это наш таран. Но таран бесполезен, если дверь закрыта на хитрый замок. В особняк нельзя войти через дверь. Там Ледяная Стража. Их доспехи зачарованы. Твои файерболы они просто впитают и выплюнут обратно. Нам нужна тишина.

— Значит, я иду тихо, — упрямо сказал Олег.

— Ты не умеешь тихо, — Анна подошла к нему вплотную. Она была хрупкой, но сейчас казалась сделанной из гранита. — Твоя аура, Олег. Твой гнев. Ты горишь изнутри. Декон почувствует тебя, как собака чует медвежий жир, за милю до того, как ты переступишь порог. Ты — маяк в ночи.

— Тогда дай мне плащ, — огрызнулся он.

— Плащ не поможет, — вклинился Гаррет. — Мальчик прав в одном. Он не хочет быть на подхвате. И он прав, что Декон — это стихия. Вы думаете, вы первые, кто хочет его крови? За последние двадцать лет на него покушались двенадцать раз. Три гильдии убийц, пять оскорбленных дворян, два короля. Все мертвы.

— Почему мы должны стать исключением? — спросил Олег, сбавляя тон.

— Потому что у вас есть Агнес, — проскрипел старик. — И потому что вы — не наемники. Вы — безумцы. А Декон умеет просчитывать только здравомыслящих врагов.

Анна вернулась к макету. Ее палец скользнул по обсидиановым стенам. — У него есть слабость, — сказала она. — Он любит театр.

— Что? — не понял Олег.

— Сегодня в Главном Храме закатная служба, — Анна указала на крошечную фигурку жреца у ворот макета. — После нее, по традиции, Верховный Жрец и члены Магистрата отправляются на торжественный ужин в Зал Гильдий. Декон обязан там быть. Это вопрос престижа.

— И что? — Олег все еще не понимал.

— А то, что в Зале Гильдий его личная охрана — Ледяная Стража — не имеет права находиться внутри. Устав. Магистрат охраняется городской стражей. А городская стража — это ленивые мужики с алебардами, которые к третьей кружке эля не отличат короля от фонарного столба.

— Мы ударим на ужине? — догадался Олег. В его голосе появился азарт. — Публично?

— Нет, — Анна покачала головой. — Публично — это хаос. Нам нужен порядок. Мы ударим, когда он вернется.

Она провела линию от макета Зала Гильдий к макету особняка. — Ужин закончится около полуночи. Он будет пьян. Не от вина — Декон почти не пьет, он боится потерять контроль. Он будет пьян от собственной значимости. Он сядет в свой паланкин. Его охрана будет расслаблена, потому что они только что «защитили» его в самом центре города.

— Мы перехватим паланкин? — Олег хищно улыбнулся.

— Мы сделаем лучше, — Анна достала из сумки два флакона из темного стекла. Внутри плескалась густая, маслянистая жидкость. — Мы подменим паланкин.

— Как?

— У Декона есть любовница. Та самая, из Южных островов. Зейна. Он купил ей дом в Садовом квартале. Раз в три дня он навещает ее инкогнито. Без Стражи. С двумя телохранителями из людей. Он считает, что в Садовом квартале безопасно.

Анна открыла один флакон. Пахнуло горьким миндалем. — Это вытяжка из черной лилии, — сказала она. — В малых дозах — снотворное. В больших — парализует нервную систему на три часа. Человек остается в сознании, но не может пошевелить и пальцем.

— Мы отравим Зейну? — поморщился Олег.

— Мы отравим Декона, — Анна закрыла флакон. — Сегодня вечером. Я проникну в дом Зейны. Она принимает ванны с маслами. Я добавлю это в воду. Он будет лежать в бассейне, расслабленный, голый и абсолютно беспомощный.

— И мы возьмем его там? — Олег скрестил руки. — А Стража? Они заметят, что хозяин не вернулся из города.

— В этом и суть, — Анна взяла второй флакон. В нем была прозрачная, как слеза, жидкость. — Это эссенция тени. Редкая дрянь. Стоит целое состояние. Позволяет на час принять облик другого человека. Нужна кровь или частичка того, кого копируешь.

Агнес, которая все это время стояла в тени, молча подошла к столу. Она взяла со стола нож для бумаг, сделала тонкий надрез на своей ладони и капнула кровь в открытый флакон с эссенцией.

— У вас будет его запах, — сказала она. — И его аура.

— План трещит по швам, — Олег потер переносицу. — Допустим, мы усыпим его в доме Зейны. Что дальше? Мы не пронесем голого, парализованного мужчину весом в сто килограммов через весь город.

— Нам не нужно, — Анна улыбнулась. Это была страшная, неживая улыбка. — Мы принесем его одежду.

Она взяла со стола макета крошечную фигурку, изображающую человека в тяжелом плаще. — Ледяная Стража узнает его по ауре. По запаху. По одежде. Мы наденем его камзол и плащ на тебя, Олег.

Олег замер. — Ты хочешь, чтобы я сыграл Декона?

— Ты не будешь играть, — Анна зачерпнула каплю крови Агнес из флакона и аккуратно нанесла ее на фигурку в макете. — Ты будешь им. Эссенция изменит твое лицо на пару часов. Мой лед скроет твой жар. Агнес научит тебя его походке, его манере держать плечи. Ты — его слепок.

— А настоящий Декон? — глухо спросил Олег.

— Настоящий Декон будет лежать в подвале дома Зейны, — ответила Анна. — Связанный, парализованный, в полной темноте. Мы заберем его перстень. Заберем его печать. Заберем ключи от хранилища.

— А потом? — Олег смотрел на Анну, и ему впервые за долгое время стало по-настоящему холодно. — Что мы сделаем с ним потом? Контракт требует, чтобы он остался жив.

Анна посмотрела на обсидиановый макет, на крошечный домик, который стоил тысяч жизней. — Контракт требует, чтобы он остался жив, — эхом повторила она. — Но контракт не говорит, в каком состоянии.

Она повернулась к Агнес. — У него есть фобия. Он ненавидит замкнутые пространства. И он ненавидит темноту. В его спальне всегда горят три канделябра. В его карете нет штор.

Анна подошла к Агнес и взяла ее руки в свои. Лед и изуродованная плоть. — Мы вернем ему его дом, Агнес. Мы запрем его в его собственном винном погребе.

Агнес вздрогнула. Ее единственный зрячий глаз расширился. — Погреб... Он запирает его снаружи. На три засова. Там нет окон. Только каменные стены и бочки с прокисшим вином.

— Мы оставим ему свечу, — мягко сказала Анна. — Одну маленькую свечу. И нож.

— Нож? — не понял Олег.

— Контракт запрещает нам наносить увечья, — Анна отпустила руки Агнес и посмотрела на Олега. — Но он не запрещает Декону нанести их себе самому.

В подвале повисла тишина. Было слышно, как где-то далеко наверху, по брусчатке, гремит телега водовоза.

— Вы чудовища, — прошептал Гаррет, но в его голосе не было осуждения. Только стариковская усталость.

— Мы — инструмент, — ответила Анна. — Инструмент не может быть чудовищем. Он просто делает свою работу.

Олег смотрел на лицо Анны. Оно было спокойным, почти безмятежным. Но он видел глубже. Он видел ту же ярость, что пылала в нем самом, только замороженную, отточенную до состояния бритвенного лезвия.

— Когда начинаем? — спросил он.

— Служба в Храме закончится через четыре часа, — Анна начала собирать флаконы. — Нам нужно быть в Садовом квартале до заката. Олег, тебе нужно выспаться. Твой огонь требует много топлива. Если ты упадешь в обморок, играя роль Декона, Стража сдерет с тебя кожу.

— Я не упаду, — отрезал он.

— Знаю, — она кивнула. — Потому что я буду держать тебя.

Анна подошла к нему и положила свою ледяную ладонь ему на грудь, прямо над сердцем. Олег вздрогнул. Контраст был ошеломляющим. Ее холод не просто остужал — он вытягивал излишки адреналина, успокаивал бешеный ритм его пульса, гасил дикое пламя, оставляя ровно столько жара, сколько нужно для жизни.

— Дыши, — сказала она. — Медленно. Мы не мстим. Мы строим новый мир. По кирпичику. Начиная с его погреба.

Агнес смотрела на них. По ее изуродованной щеке текла слеза, проделывая чистую дорожку сквозь копоть и грязь. — Уничтожьте его, — прошептала она. — Пожалуйста.

— Мы заберем все, — пообещала Анна, не убирая руки от груди Олега. — До последней нитки.

Они стояли в подвале лавки «Слепой глаз», освещенные лишь тусклым магическим светом из окон обсидианового макета. Воровка льда, пиромант и сломленная женщина. Союз, рожденный из пепла чужого брака и десяти тысяч золотых драконов.

Нельвия даже не подозревала, что этой ночью в ее сердце вонзится не кинжал убийцы, а скальпель хирурга. И операция будет проходить без анестезии.

Глава 3. История Агнес. Золотые горы и 100 монет

Садовый квартал Нельвии был миром, созданным для того, чтобы оскорблять чувства жителей Нижнего города. Если там, внизу, воздух пах гарью, потом и отчаянием, то здесь он благоухал цветущими магнолиями, влажной землей и деньгами.

Особняк, который Агнес выбрала для встречи, стоял в конце заросшей аллеи. Он не был разрушен — он был мертв. Заколоченные крест-накрест окна, сорванная с петель кованая калитка, заросший бурьяном фонтан, в котором вместо воды теперь гнила прошлогодняя листва. Десять лет назад это место принадлежало младшему брату Декона, торговцу шелком, который «случайно» подавился куриной костью на пиру. С тех пор дом пустовал, став пристанищем для бродяг и ветра.

Олег стоял посреди главного зала, глядя на обвалившуюся лепнину на потолке. Его раздражало здесь все: сырость, проникающая сквозь подошвы сапог, запах плесени, оседающий на языке, и, главное, тишина. В Нижнем городе тишины не бывает — там всегда кто-то кричит, дерется или умирает. Здесь тишина была тяжелой, как саван. Она давила на барабанные перепонки.

Анна двигалась по периметру комнаты. Она не шла — она скользила. Там, где ее плащ задевал сухие ветки кустарника, пробившегося сквозь паркет, ветки покрывались инеем и с тихим хрустом ломались.

— Она опаздывает, — Олег ударил кулаком по каминной полке. Полка треснула, осыпав камин горстью трухи. — Если это ловушка Инквизиции, я хочу знать это сейчас, чтобы успеть сжечь хотя бы квартал.

— Это не ловушка, — Анна провела пальцем по пыльному зеркалу, оставляя чистую дорожку. — Она боится. Люди, которые носят свои шрамы на лице, как знамя, боятся не смерти. Они боятся, что их не услышат.

— Я слышу ее прекрасно, — фыркнул Олег. — «Украдите его жизнь». Поэтично. А на деле — лезь в канализацию, дыши дерьмом, пока ты будешь плескаться в бассейне с наложницей. Мне не нравится этот контракт, Анна. Десять тысяч драконов за то, чтобы разорить купца? Мы только что вынесли руну из-под носа у Королей-Чародеев. Мы стоим дороже.

— Мы стоим ровно столько, сколько готовы заплатить за нашу смерть, — Анна обернулась. В полумраке заброшенного зала ее глаза светились, как два осколка зимнего неба. — Декон — не просто купец. Он — фундамент Нельвии. Если мы его вытащим, трещина пойдет по всему дворцу. Десять тысяч — это не плата за кражу. Это премия за риск гражданской войны.

Входная дверь скрипнула. Агнес вошла без стука. Она сменила свой убогий дорожный плащ на темно-синее шерстяное платье. Простое, но сшитое из хорошей ткани. На шее — тонкая серебряная цепочка. Она умылась, и теперь, в сером свете, пробивающемся сквозь щели в досках, ее изуродованное лицо выглядело не как маска боли, а как рельефная карта пережитой войны.

Она остановилась в центре зала, глядя на Олега. — Ты сомневаешься, — сказала она. Это не был вопрос. — Я чувствую, как от тебя исходит жар. Как от печи. Ты хочешь сжечь этот дом просто от скуки.

— Я хочу сжечь Декона, — поправил Олег. — Но пока я не понимаю, почему мы должны верить в твою историю. Десять тысяч драконов — это бюджет маленькой армии. Что такого ты можешь рассказать нам, чего мы не сможем продать Инквизиции за те же деньги, сохранив свои руки целыми?

Агнес долго смотрела на него. Ее единственный зрячий глаз не моргал. — Инквизиция работает на Декона, — наконец произнесла она. — Верховный Инквизитор пьет его коллек-

ционный бренди. Если вы пойдете к ним, вас возьмут тепленькими прямо у дверей, отберут золото и передадут Декону в качестве извинения за беспокойство.

Она сделала шаг к камину. Ее движения были плавными, экономными — так двигаются люди, привыкшие экономить каждый жест, чтобы не тратить остатки сил. — Вы хотите услышать мою версию? — спросила она, поворачиваясь к Анне. — Не ту, что записана в реестрах Магистрата. Правду?

— Говори, — кивнула Анна. Она прислонилась плечом к стене, скрестив руки на груди. Лед на ее плаще начал медленно таять, превращаясь в воду, которая тут же впитывалась в гнилое дерево.

Агнес опустила на единственный уцелевший в зале стул. Дерево под ней жалобно закрипело. — Десять лет назад я была красива, — начала она. Голос ее был ровным, лишенным эмоций, словно она читала чужую летопись. — Не просто смазливая девка из таверны. Я была... штучным товаром. Мой отец держал верфи в Речном квартале. Не богатые, но уважаемые. Я знала языки. Я знала, как вести счета. Я умела слушать.

Она подняла руку и коснулась своего шрама. — Декон нашел меня на приеме у графа Малика. Я стояла у окна. Он подошел. Он не принес мне вина. Он принес мне кресло. Он сел на пол у моих ног и начал рассказывать о том, как тяжело быть богатым. О том, как все хотят его золота, но никто не хочет его самого.

Олег скептически хмыкнул, но под ледяным взглядом Анны осекся. — Он был великолепен, — продолжила Агнес. — Он носил простые камзолы, но сшитые из ткани, которая стоит как деревня. Он пах ветром и сталью, а не потом и чесноком, как остальные купцы. Он говорил о звездах. О свободе. Он обещал мне золотые горы.

— Буквально? — уточнил Олег.

— Буквально, — кивнула Агнес. — Он купил мне этот особняк. — Она обвела рукой обшарпанные стены. — Тогда он был новеньким, пахнувшим смолой и краской. Он привез меня сюда на рассвете. Вывернул карманы на стол. Там было золото. Горы золота. Монеты, слитки, украшения. Он сказал: «Это все твое. Я хочу, чтобы ты ни в чем не знала отказа. Я хочу, чтобы ты стала лицом моего Дома».

Агнес замолчала, переводя дыхание. — Я была дурой. Я влюбилась. Не в его золото. В его... пустоту. Он умел заполнять собой любую комнату. Он взял меня в высший свет. На балы, куда таких, как я, пускают только мыть полы. Он представлял меня герцогиням. «Моя Агнес». Он учил меня этикету. Он купил мне библиотеку. Я думала, что мы строим империю. Я думала, что мы — партнеры.

Она горько усмехнулась. — Партнерство длилось три года. А потом появилась Зейна.

— Наложница с островов, — подала голос Анна.

— Сначала я не придавала этому значения, — Агнес покачала головой. — У мужчин его круга всегда есть игрушки. Я была его женой. Я вела его дела. Я подписывала векселя, которые спасали его от банкротства трижды. Когда конкуренты из Лиги Семи Городов перекрыли ему поставки пряностей, я отдала ему свои личные сбережения — наследство от отца. Полторы тысячи драконов. Я спасла его Дом.

— И как он вас отблагодарил? — тихо спросила Анна.

— Он пригласил меня в свой кабинет, — Агнес сцепила пальцы в замок, костяшки побелели. — Это было в день нашего десятилетия. Десять лет. Я надела то самое платье, в котором мы познакомились. Я ждала его к ужину. А он пришел из порта. От него пахло рыбой и чужими духами.

Она закрыла глаз. — Он не сел. Он стоял. Сказал, что дела Дома идут в гору. Что Зейна оказалась гениальным финансистом. Что она предложила схему с контрабандой живого товара... то есть, я хотела сказать, специй. Сказал, что я... — Агнес сглотнула, — что я стала

слишком предсказуемой. Что мой огонь... да, он так и сказал, «твой огонь начал коптить». Что мне пора на покой.

Олег переступил с ноги на ногу. Гнилые доски под ним хрустнули. — И он дал тебе отступные, — догадался он.

— Отступные, — эхом повторила Агнес. Она засмеялась. Это был страшный, каркающий звук, от которого с потолка посыпалась штукатурка. — Он бросил на стол кожаный мешочек. Он даже не звякнул. Я открыла его. Там было сто золотых монет. Ровно сто.

— Сто монет за десять лет и полторы тысячи вложенных? — Олег сжал кулаки. Жар начал просачиваться сквозь его перчатки. — Это оскорбление.

— Это математика, — Агнес посмотрела на него своим пронзительным глазом. — Он вызвал своего казначея. При мне. Тот зачитал отчет. Мои «личные сбережения», которые я отдала ему во время кризиса, он оформил как «безвозвратный заем от частного лица под ноль процентов». По закону, он не обязан был их возвращать. А сто монет...

Она вытряхнула на ладонь воображаемые монеты. — Сто монет — это цена хорошей шлюхи на ночь в Верхнем городе. Он оценил меня. Десять лет моей жизни, мой ум, мои связи, мои деньги, мое лицо... — она коснулась шрама, — все это стоило сто монет.

— Лицо? — переспросила Анна. — Ты сказала, что он пригласил тебя в кабинет. Когда появился огонь?

— Позже, — Агнес сжала кулак, монеты на воображаемой ладони исчезли. — Я не кричала. Я не плакала. Я взяла мешочек. Я вышла из кабинета. Я пошла в их спальню. Зейна была там. Она примеряла мои изумруды. Мое свадебное кольцо.

Агнес встала. Она подошла к разбитому окну, глядя на мертвый сад. — Я сказала ей, что это камни моей матери. Зейна улыбнулась. У нее была такая... акулья улыбка. Она сказала: «Теперь все это — мое. И он — мой. Ты была черновиком, Агнес. Декон закончил картину».

— И ты плеснула в нее кислотой, — сказал Олег.

— Нет, — Агнес обернулась. — Я просто стояла. Я смотрела на нее. И тогда вошел Декон. Он увидел меня. Увидел, как я смотрю на его новую игрушку. Он решил, что я угрожаю ей.

Она замолчала. В зале повисла такая тишина, что было слышно, как в дальнем углу шуршит мышь. — Он не кричал, — продолжила Агнес очень тихо. — Он вообще никогда не кричит. Он — лед. Он посмотрел на меня и щелкнул пальцами. Это был его любимый жест. Так он подзывал слуг.

Из его руки вырвалось пламя. Не рыжий, веселый огонь, как у тебя, — она кивнула на Олега. — Это было синее пламя. Мертвое. Оно не дает света, оно только жрет. Он ударил не в меня. Он ударил в зеркало за моей спиной. Зеркало взорвалось. Осколки... они летели со скоростью стрелы.

Агнес провела рукой по шее. — Один из них... самый большой... вошел вот сюда. — Она коснулась виска. — Если бы он вошел на дюйм глубже, я бы ослепла на оба глаза. А потом... потом он просто развернулся. Взял Зейну за руку и вышел. А я осталась стоять. Среди битого стекла. С лицом, которое больше не было моим. С сотней монет в кармане.

Она вернулась к стулу, но садиться не стала. Она смотрела на Анну. — Вы спрашиваете, почему десять тысяч. Вы думаете, я хочу его золота. Мне не нужно его золото. Я хочу, чтобы он почувствовал вес этих ста монет. Я хочу, чтобы он стоял на коленях в своем погребке, в темноте, и пересчитывал их. Одну за другой. Сто раз. И понимал, что это — все, что осталось от его империи.

Анна оторвалась от стены. Она подошла к Агнес. В заброшенном особняке, пропахшем плесенью, встретились две женщины, преданные одним и тем же миром. Ледяная ведьма, потерявшая свое имя, и изуродованная аристократка, потерявшая свое лицо.

— Мы сделаем это, — сказала Анна. Ее голос звучал глухо. — Мы заберем его империю. Мы оставим ему сто монет. И погреб.

Агнес протянула руку. Анна взяла ее. Лед коснулся изуродованной плоти. Агнес не вздрогнула. Наоборот, она прикрыла глаз, словно холод приносил облегчение ее вечно горящей коже.

— Спасибо, — прошептала она.

Когда Агнес ушла — так же бесшумно, как и появилась, скрывшись в зарослях бурьяна — Олег еще долго смотрел на закрытую дверь.

— Она врет, — наконец произнес он.

Анна, стоявшая у окна, медленно повернула голову. Температура в комнате упала на несколько градусов. — Объясни.

— Ее история красива, — Олег прошелся по залу, его сапоги поднимали облачка пыли. — Идеальная жертва. Злой богач, невинная жена, коварная наложница. Но она сыплет деталями, которые не сходятся.

— Например? — Анна склонила голову набок.

— Например, «безвозвратный заем», — Олег остановился и посмотрел на Анну. — Анна, ты хоть раз видела купца, который берет у жены полторы тысячи драконов и оформляет это как подарок? Так не бывает. Либо это долг, который бьет по репутации, либо это инвестиция в долю. Если это была инвестиция, то при разводе Агнес имела право на половину Дома Декона. Она бы сейчас жила в Верхнем городе, а не в канаве.

— Она сказала, что он оформил это хитро.

— Слишком хитро, — отрезал Олег. — Она говорит как казначей, а не как брошенная жена. «Безвозвратный заем под ноль процентов». Откуда шлюха из Речного квартала знает такие формулировки? Моя мать стирала белье до мозолей, она и слов-то таких не знала. А Агнес оперирует ими, как дышит.

Он ткнул пальцем в сторону окна. — И сто монет. Сто. Это не цифра брошенного мужа. Это цифра символа. Кто считает оскорбления до единицы? Он бы бросил ей пятьдесят. Или двести. Золото весит. Никто не кладет ровно сто, если только это не часть какого-то ритуала или старого долга.

— Ты параноик, — Анна вернулась к осмотру потолка. — Она сломлена. Десять лет в подвале сводят с ума. Она могла забыть детали.

— Она не забыла ни одной детали, — Олег покачал головой. — Она помнит каждое слово Декона. Она помнит, как пахла Зейна. Но она «не помнит», откуда у нее взялось темно-синее платье, которое на ней сейчас. Платье, которое стоит больше, чем вся наша амуниция. Она «не помнит», как прошла мимо Стражи у ворот Садового квартала. Ее лицо — красная тряпка для любого патруля.

— Она умеет быть невидимой, — не согласилась Анна. — Как и мы.

— Она не невидимая, — Олег подошел к ней вплотную. Жар его тела окутал Анну, пытаясь пробить ее ледяной панцирь. — Она... правильная. Она слишком хорошо знает, на какие точки давить. «Золотые горы», «ты была черновиком»... Она рассказывает нам сказку, Анна. Сказку для бедных. И ты ее покупаешь.

Анна посмотрела ему в глаза. Ее зрачки расширились, поглощая почти всю голубую радужку. — А какая разница, Олег?

Вопрос повис в воздухе. — Что? — опешил он.

— Какая разница, врет она или нет? — Анна сделала шаг назад, разрывая дистанцию. — Декон — гниль. Мы это знаем. Мы видели, как работает его «справедливость». Даже если Агнес — лгунья, которая манипулирует нами ради мести за проигрыш в карты... Декон заслуживает того, что мы с ним сделаем.

— Разница в том, что нас могут повесить! — рявкнул Олег, и с его ладоней сорвались искры, опалив рукав его куртки. — Если она работает на Инквизицию, если это проверка на лояльность... Мы лезем в пасть к дракону, который нас туда сам пригласил!

— Значит, мы вырвем ему глотку изнутри, — холодно ответила Анна. — Она дала нам схему. Особняк. Садовый квартал. Бассейн. Стража у Зала Гильдий. Все это можно проверить.

— Как? — Олег развел руками. — Пойти и постучать в ворота? «Добрый день, я тут планирую украсть вашего хозяина, не подскажите, где у вас дыра в заборе?»

Анна подошла к разбитому камину. Она присела на корточки и провела рукой по закопченным кирпичам. — Нам не нужно стучать в ворота, — сказала она. — Нам нужно поговорить с теми, кто выносит мусор.

Она достала из поясной сумки маленький сверток из промасленной кожи. Развернула его. Внутри лежали две серебряные монеты и кусок черного хлеба. — Нижний город помнит все, — Анна разломила хлеб пополам. Одну часть она оставила на каминной полке. Вторую начала крошить в ладонях. — Гильдия Мусорщиков. Они видят, что едят слуги Декона. Они видят, что он выбрасывает. Они знают, куда ведут трубы из его двorca.

— Ты предлагаешь платить нищим? — скривился Олег.

— Я предлагаю купить информацию, — Анна сдула крошки с ладони. — У тебя есть золото?

Олег молча достал из внутреннего кармана кошелек. Бросил его на стол. Тяжелый кожаный мешок глухо ударился о дерево. — Здесь пятьсот империалов. Этого хватит, чтобы купить мэра Нижнего города.

— Нам не нужен мэр, — Анна взяла одну из серебряных монет. Она подошла к окну, разбитому настолько, что в него пролез бы ребенок. Она высунулась наружу и тихонько свистнула. Свист был похож на пение замерзшей синицы — резкий, вибрирующий.

Прошла минута. Сверху, с обвалившейся крыши, посыпалась черепица. На подоконник прыгнул человек. Он был одет в лохоты. На нем было надето сразу три рубахи, одна на другую, но все они зияли дырами. Его лицо было перемазано сажей, а на шее болтался амулет из крысиного черепа. Но двигался он с грацией хищной кошки.

— Госпожа, — прохрипел он, прыгивая на пол. Он не поклонился, лишь склонил голову набок, разглядывая Анну. — Редко видишь Лед в таких местах.

— Ты — Щип, — утвердительно сказала Анна.

— Мое имя — то, что я продаю вместе с крысами, — оскалился человек, демонстрируя гнилые зубы. — А ты — та, кто ходит по крышам тише, чем падает перо.

— Мне нужно в Садовый квартал, — Анна протянула ему серебряную монету. — Сегодня. До заката. Мне нужно знать, кто входит в дом госпожи Зейны и кто выходит. Мне нужно знать, какие телеги с товаром приехали на задний двор особняка Декона за последние три дня.

Щип поймал монету на лету. Сунул ее в рот, за щеку, и с хрустом разгрыз. Серебро — лучшая проверка на иллюзию. — Садовый квартал охраняют не Стражи, — сказал он, жуя. — Его охраняют тени. Люди Декона. Бывшие пираты. Они не носят формы. Они просто... есть.

— Сколько? — спросил Олег, выступая из тени.

Щип перевел взгляд на него. Увидел жар, идущий от кожи, и его глаза расширились. — Пять, — быстро сказал он. — Пять золотых. За то, чтобы провести вас по старой ливневке. Она выходит прямо в розарий Зейны. Там сейчас ремонтируют фонтан, рабочие разбросали инструменты. Охрана ленива.

— Три, — отрезал Олег. — И ты дашь нам схему караулов.

— Четыре, — Щип снова оскалился. — И я сам пойду с вами. За те пятьсот, что лежат на столе, Декон наймет целую армию головорезов. Мне не улыбается, чтобы меня сварили заживо в масле за компанию с вами. Я буду вашими глазами внизу.

Олег переглянулся с Анной. Ледяная ведьма едва заметно кивнула. — Четыре, — согласился Олег. — Но если ты нас сдашь, я найду тебя даже в Пустошах. И ты будешь гореть неделю.

— Я не стукач, я — предприниматель, — Щип спрыгнул с подоконника обратно в сад. — Ждите здесь. Солнце коснется крыш через час. Когда колокол ударит к вечерне, я буду ждать вас у Третьей дренажной решетки.

Он растворился в зарослях крапивы.

Олег тяжело вздохнул и опустился на пыльный пол, прислонившись спиной к стене. — Я все равно чувствую подвох, — сказал он, глядя на свои руки. — Слишком гладко.

— В Нельвии ничего не бывает гладко, — Анна села рядом. Она не касалась его, но Олег чувствовал исходящий от нее холод, который приятно остужал его разгоряченную кожу. — Но у нас есть вход. У нас есть время. И у нас есть контракт.

— Контракт, который пахнет изменой, — пробормотал Олег.

— Или возмездием, — возразила Анна. — Закрой глаза. Тебе нужно сберечь силы. Вечером ты будешь гореть ярче солнца, чтобы никто не заметил, как я замерзаю.

Олег послушно закрыл глаза. Но сон не шел. Перед его внутренним взором стояло лицо Агнес. Не изуродованная половина, а здоровая. В ее единственном глазу, когда она рассказывала про сто монет, плескалось не только горе. Там было что-то еще. Что-то острое, как осколок стекла, и расчетливое, как лезвие бритвы.

«Она не жертва, — думал Олег, слушая, как за окном начинает накрапывать мелкий дождь. — Она режиссер. И мы с тобой, Анна, только что согласились играть в ее спектакле главную роль. Вопрос лишь в том, кто выйдет на поклон, а кого вынесут вперед ногами».

Он открыл глаза. Анна сидела с закрытыми глазами, ее дыхание было ровным и почти незаметным. Она полностью контролировала свое тело, замедляя метаболизм до состояния, близкого к смерти, чтобы сохранить магический резерв.

Олег посмотрел на кошель с золотом. Пятьсот империалов. Он тихо развязал тесемку. Запустил руку внутрь. Монеты были теплыми.

Он вытащил одну. Золотой дракон тускло блеснул в сером свете. На аверсе был изображен герб Нельвии — скрещенные ключ и меч. Олег подбросил монету. Поймал. Подкинул снова.

— Сто монет, — прошептал он. — Почему именно сто?

Он зажал монету в кулаке, чувствуя, как золото начинает нагреваться от его жара. Солнце садилось. В заброшенном особняке пахло дождем, гнилью и надвигающейся бедой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.